

УДК 82-1

ОБРАЗ ЖАННЫ Д'АРК В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

© **Марина Владимировна ЦВЕТКОВА**

доктор филологических наук, профессор департамента литературы
и межкультурной коммуникации

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» – Нижний Новгород

603155, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, 25/12г

E-mail: mtsvetkova@hse.ru

Проведено исследование функции образа Жанны д'Арк в поэзии М. Цветаевой, который прежде не привлекал внимание исследователей ее творчества. Анализ художественного мира поэта позволил выявить, что обращение к образу Святой Иоанны связано, прежде всего, со смутной и трагической послереволюционной эпохой, в которой М. Цветаева находит параллели с временами Столетней войны. Одновременно влияние образа Жанны д'Арк на творчество М. Цветаевой удалось обнаружить и на более глубоком уровне – аналогий, проводимых автором между собой и героиней как в дневниковых записях, так и мотивов, равно сопровождающих образ Иоанны и образ лирического «я» цветаявской лирики. К ним отнесены мотивы: избранничества; слышания голосов; ведомости нездешней силой, жизни как постоянной борьбы; женщины, взявшей за неженское дело; сильной женщины, ведущей мужчину «на царство»; женщины как воплощения жизни и страсти в противовес лишенному жизненных сил рабу рациональности – мужчине; огня, в котором сгорают и героиня, и лирическое «я» поэта. Результатом проведенного исследования становится вывод о том, что образ Жанны д'Арк может быть отнесен к разряду ключевых в художественном мире М. Цветаевой.

Ключевые слова: Жанна д'Арк; Святая Иоанна; Орлеанская дева; Марина Цветаева; «Руан»; «Был мне подан с высоких небес»

Марина Цветаева, которая с детства питала страсть к романтическому и героическому (увлечение Наполеоном, лейтенантом Шмидтом, Марией Спиридоновой; в стихотворении 1918 г. М. Цветаева определила это так: «Надобно смело признаться, Лира! // Мы тяготели к великим мира: // Мачтам, героям, церквам, царям, // Бардам, героям, орлам и старцам» [1, с. 105]), не могла обойти стороной образ Жанны д'Арк. В списке книг, входивших в библиотеку М. Цветаевой, а следовательно, составивших круг ее чтения, числятся «Жанна д'Арк» Ж. Мишле на французском языке, где история Орлеанской девы трактуется в романтическом ключе, а также «Личные воспоминания о Жанне д'Арк сьера Луи де Конта, ее пажа и секретаря», написанные М. Твенем, в которых французская героиня воспевается как образец патриотизма.

О знаковости для М. Цветаевой образа Жанны д'Арк свидетельствует и то, что восхищение французской героиней она стремилась привить своей старшей дочери – Але, которая рассказывала об этом в дневнике так: «Марина взяла с этажерки книгу, открыла ее и показала мне Иоанну в латах и в лавровом венке. ...На другой картине я увидела

ее еще пастушкой, где ей явился архангел Михаил весь в сиянии. ...Потом она показала мне еще одну картину. Там было сражение. Один из воинов держал крестное знамение, которое еле-еле касалось одной башни, очень похожей на замок. <...> Я думала о Иоанне» [2, с. 33-34]. Эти свидетельства ребенка чрезвычайно важны для нашего представления о визуальном ряде, который мог существовать в воображении М. Цветаевой и который нашел отражение в художественном мире ее творчества.

Известно, что в 1919 г. М. Цветаева с дочерью посмотрели фильм «Жанна-женщина» / “Joan the Woman” (1917), снятый американским режиссером Сесилом Б. де Миллом... Под впечатлением от этого просмотра в записных книжках 1919 г. сделана запись, которая выразительно свидетельствует об особой важности образа Святой Жанны (вернее, Иоанны, как предпочитает называть ее на традиционный православный манер М. Цветаева, придавая, тем самым, архаический и поэтический оттенок образу Орлеанской девы) для Марины Цветаевой: «Иоанна д'Арк – вот мой дом и мое дело в мире, «все остальное – ничто!» [3, с. 368].

Собственно Жанне д'Арк посвящены два цветаевских стихотворения. Оба напрямую связаны с переживанием поэтом событий Октябрьской революции, о чем свидетельствует время их создания (декабрь 1917 и октябрь 1918 г.). Первое из них носит название «Руан». Лирической героиней здесь становится сама Святая Иоанна. Стихотворение начинается анафорическими повторами, отсылающими к стилю главы «Бытие» Священного Писания:

И я вошла, и я сказала: – Здравствуй!
Пора, король, во Францию, домой!
И я опять веду тебя на царство,
И ты опять обманешь, Карл Седьмой!
[1, с. 65]

Эта отсылка к Вечной Книге, как и слово «опять», повторенное дважды, и слово «вновь», возникающее в тексте позднее, преподносит историю Жанны д'Арк как архетипическую:

– Все будет вновь: последний взор коня,
И первый треск невинных хвостинков,
И первый всплеск соснового огня [1, с. 65].

Мысль о повторяемости истории в соединении с временем создания стихотворения подсказывает мысль о наличии в сознании поэта параллелей между смутной и трагической для Франции эпохой Столетней войны и временем, последовавшим в России за революцией 1917 г. М. Цветаева, которой всегда было свойственно подчеркнутое фрондерство (в юности она прошла через увлечение романтикой революции, народо-вольческими идеями; дерзко демонстрировала свои антиклерикальные настроения – заменила икону у себя в комнате изображением Наполеона; после победы большевиков начинает с вызовом выказывать монархические взгляды и принадлежность к православной вере: «Ох ты барская, ты царская моя тоска!» [1, с. 25], – так описывает свое настроение М. Цветаева весной 1917 г.).

Замечательно пишет о сути цветаевского стремления противостоять всему и всем И.В. Кудрова: «Идти против... «Против чего? – спросите вы. Против язычества во времена первых христиан, против католичества, когда оно сделалось господствующей религией и опошлилось в лице его жадных, раз-

вратных, низких служителей, против республики за Наполеона, против Наполеона за республику, против капитализма во имя социализма... против социализма, когда он будет проведен в жизнь, против, против, против!» [4, с. 12].

Яркое свидетельство тому – описанная М. Цветаевой реакция на сообщение мальчишки-газетчика о расстреле Николая Романова. Когда в ответ на всеобщее безразличие к известию, заставшему Марину с дочерью на одной из московских площадей, она сказала Але «сдавленным, ровным и громким голосом (кто таким говорил – знает): «Аля, убили русского царя, Николая II. Помолись за упокой его души!» И Алин тщательный, с глубоким поклоном, троекратный крест. (Сопутствующая мысль: «Жаль, что не мальчик. Сняла бы шляпу»)» [4, с. 70].

Неслучайно лирическая героиня стихотворения «Руан» ведет короля на царство и принимает за это мученическую смерть.

Стихотворение 1918 г. тоже вписывается в общее настроение цветаевских стихов и дневниковых записей послеоктябрьской эпохи, которое можно определить словами знаменитого воинского девиза времен Российской империи: «За веру, царя и Отечество». Еще в апреле 1918 г. М. Цветаевой был создан цикл «Андрей Шенье», связанный с французским поэтом, окончившим жизнь на гильотине из-за подозрения в симпатиях к Людовику XVI. В этом цикле революция 1917 г. и период последовавших за ней кровавых событий отождествляется с временами Французской буржуазной революции («Есть времена – железные – для всех» [1, с. 79]. В стихотворении «Друзья мои! Родное триединство!», написанном в 1919 г., М. Цветаева напрямую соединит обе эти эпохи: «...в советской – якобинской – // Маратовой Москве» [1, с. 145]). Причем М. Цветаева откровенно принимает сторону побежденных, отождествляя себя с А. Шенье (чья фигура здесь приобретает подчеркнуто героический ореол), который закончил жизнь на эшафоте за свои идеалы. При этом лирическая героиня ощущает собственную вину за то, что не может последовать его примеру:

Андрей Шенье взошел на эшафот.
А я живу – и это страшный грех.

В данном контексте более понятной становится трактовка образа Жанны д'Арк во втором стихотворении, ей посвященном:

Был мне подан с высоких небес,
Меч серебряный – воинский крест.
Был мне с неба пасхальный тропарь:
– Иоанна! Восстань, Дева-Царь!

(Примечательно, что в стихотворении 14 августа 1918 г. «Не по нраву я тебе – и тебе» М. Цветаева, обращаясь к себе, говорит: «Дева-Царь» и, таким образом, практически отождествляет себя с Иоанной: «Полно, Дева – Царь! Себя – не мытарь!» [1, с. 104]).

И восстала – мирь побороть –
Посвященная в рыцари – Плоть.
Подставляю открытую грудь.
Познаю серединную суть.
Обязуюсь гореть и тонуть [1, с. 115-116].

Доминантой стихотворения, несомненно, также является обнаруженная нами в стихотворении «Руан» идея избранности, внутренней оппозиционности революционной черни. Об этом выразительно свидетельствуют произведения, созданные «вокруг» стихотворения «Был мне подан с высоких небес», осенью 1918 г., особенно строки, написанные в тот же день – 8 октября:

Поступью сановнически-гордой
Прохожу сквозь строй простонародья.
На груди – ценою в три угодыя
Господом пожалованный орден.
<...> И сияет на груди суровой
Страстный знак Величья и Отличья,
Орден Льва и Солнца – лист кленовый
[1, с. 115].

Однако образ Святой Иоанны оказывается у М. Цветаевой неизмеримо шире и многогранней, чем выглядит в первом приближении. Лирическая героиня стихотворения облачается в мужскую одежду – надевает воинские латы и, направляемая Господом, готова вступить в смертельную схватку с врагами короля и Отчизны, обязуясь отдать за них жизнь. Таким образом, перед нами – женщина, благословленная небесами на неженское дело, получившая свыше некую миссию, а следовательно, в ее судьбе М. Цветаева не могла не чувствовать переключки с собственной судьбой. Известно, что

она настаивала на том, чтобы ее называли поэтом, а не поэтессой, жизнь свою воспринимала, как постоянную борьбу (достаточно вспомнить слова «что пело и боролось, // Сияло и рвалось» из юношеского стихотворения «Уж сколько их упало в эту бездну» [5, с. 190]), а творческий дар рассматривала, как печать избранничества.

Интересно, что М. Цветаева ни в одном из стихотворений не упоминает о простом происхождении Иоанны, но постоянно акцентирует ее принадлежность к избранным, некоей высшей касте, к «великим мира»: она именуется «Дева-Царь», она «посвящена в рыцари», само Небо даровало ей серебряный меч, благословив ее на битву, где ей противостоят целые «миры».

По-видимому, именно «посвященной в рыцари Плотью», восставшей побороть мирь, ощущает себя сама М. Цветаева. В одном из ответов на анкету, характеризуя семейную атмосферу, в которой она росла, она пишет: «Воздух дома не буржуазный, не интеллигентский – рыцарский» [6, с. 210].

Выстраданы М. Цветаевой и другие повороты сюжета истории Жанны д'Арк, преданной королем, возведенным ею на царство, оставленной всеми и обреченной на муки и гибель.

Сравним, например, стихотворение «Роландов рог»:

Так, наконец, усталая держаться
Сознанием: перст и назначением: драться,
Под свист глупца и мещанина смех –
Одна из всех – за всех – противу всех! –
Стою и шлю, закаменев от взлету,
Сей громкий зов в небесные пустоты.
Одна – из всех – за всех – противу всех
[7, с. 10].

Есть и другие переключки между образом Жанны д'Арк и лирическим «я» М. Цветаевой. В уже цитированном выше стихотворении «Руан» Иоанна встраивается в галерею ярких, страстных, полных жизненного огня женских образов-масок (Федра, Офелия), устами которых говорит сама М. Цветаева (Используя слова Б.О. Кормана о Ф.И. Тютчеве, можно сказать, что «чужие сознания» в поэзии М. Цветаевой «суть разновидности основных субъектов <...> [ее] лирики» [8, с. 53]). Эти образы неизменно противопоставлены у М. Цветаевой слабым, безволь-

ным, вымороченным мужским персонажам (подробнее об этом см. [9, с. 78-90]): Ипполит, Гамлет.

В цикле стихотворений, написанных от лица Офелии, обращаясь к Гамлету, о принце сказано: «А Вы с Вашей примесью мела // И тлена... С костями злословь, // Принц Гамлет! Не Вашего разума дело // Судить воспаленную кровь» (стихотворение «Офелия – в защиту королевы» [7, с. 171]); и далее «Девственник! Женоненавистник! Вздорную // Нежить предпочедший!» (стихотворение «Офелия – Гамлету» [7, с. 170]).

Подобно контрастным парам Федры и Ипполита, Офелии и Гамлета, фигуры Орлеанской девы и Карла VII «взаимодействуют» в художественной ткани стихотворения «Руан» по принципу антитезы: жизнестойкость («Не ждите <...>, чтоб Иоанна разлюбила голос, Чтоб Иоанна разлюбила меч» [1, с. 65]) – нежизнеспособность («Бескровный принц, не распрямивший плеч» [1, с. 65]), твердость и верность слову и долгу («И я опять веду тебя на царство» [1, с. 65]) – малодушие и предательство («И ты опять обманешь» [1, с. 65]).

Хотя и стихотворение «Руан», и стихотворение «Был мне подан с высоких Небес» написано в виде монолога Жанны д'Арк, совершенно очевидно, что М. Цветаева отождествляет себя со своей героиней. Ей нравилось подчеркивать сходство между собой и Орлеанской девой. Так, после посещения фильма она пишет об исполнительнице роли Жанны Дж. Феррар в своей записной книжке: «Она немножко напоминала меня: круглолицая, с ясными глазами, сложение мальчика. И повадка моя: смущенно-гордая» [10, с. 368].

Подобное отождествление со своими героинями вообще является отличительной чертой творчества М. Цветаевой. Причем иногда эти образы изначально располагают к такому сближению (как это происходит с Жанной д'Арк), а иногда кардинально переосмысляются М. Цветаевой в своем духе (примером можем служить бессловесная шекспировская Офелия, которая в цветаевском цикле выступает безжалостной обличительницей Гамлета). Потому неудивительно, что в связи с Орлеанской девой в стихотворении «Руан» возникает целая серия мотивов, которыми неизменно сопровождается

образ лирического «я» М. Цветаевой. Кроме упомянутого уже мотива женщины как носительницы жизни и страсти, таковым является мотив сильной женщины, которая «делает» мужчину, «ведет его на царство». Сравним стихотворение, посвященное Марине Мнишек:

Марина! Царица – Царю,
Звезда – самозванцу!
Тебя пою <...>
(«Димитрий! Марина! В мире» [5, с. 267]).

Образ Иоанны связан для М. Цветаевой и с творческим началом, поскольку творческий дар она воспринимала, прежде всего, как способность слышать голоса, точнее, как невозможность не откликнуться на призывы этих голосов («Искусство при свете совести» [3, с. 45]).

Образ ангела, витающего на Святой Иоанной, или архангела Михаила, окруженного сиянием, о котором вспоминает Ариадна Эфрон:

А за плечом – товарищ мой крылатый
Опять шепнет: – Терпение, сестра!
Когда сверкнут серебряные латы
Сосновой кровью моего костра [1, с. 65].

прочно входит в художественный мир М. Цветаевой как образ Ангела/Гения/Демона, сподвигающего поэта на крестную муку творчества.

Особенно ярко этот образ представлен в поэме «На Красном Коне» (1921). Переключки со стихотворением «Руан» отчетливо слышатся в строчках, описывающих всадника, символизирующего творческое начало:

<...> всего два крыла светлорусых
– Коротких – над бровью крылатой.
Стан в латах [11, с. 16].

Причем, если сначала рыцарская атрибутика сопровождает только образ Гения, то в конце поэмы, когда героиня получает известие, что ее «Ангел» ее не любит и идет на него войной, она сама, летящая «на белом коне впереди полков / Вперед – под серебряный гром подков!», превращается в воительницу, подобную Жанне д'Арк, и характеризуется как «Невеста во льду – лат!» [11, с. 2]. Сравни: «серебряные латы» (стихотворение «Руан» [1, с. 65]).

Дар слышать голос демона, желающего быть воплощенным ее рукой (так объясняла творческий процесс М. Цветаева в эссе «Искусство при свете совести»), толкает поэта на «огненные муки»:

Вот: слышится – а слов не слышу,
Вот: близится – и тьмится вдруг...
Но знаю, с поля – или свыше –
Тот звук – из сердца ли тот звук...
– Вперед на огненные муки! [1, с. 135-136].

Образ огня, пожара, в котором горит героиня поэмы «На Красном Коне», как и костра, в котором гибнет Жанна д'Арк, символичен – так М. Цветаева часто обозначала творческий дар. (См., например: «Птица Феникс – я, только в огне пою! // <...> Высоко горю и горю до тла!» («Что другим не нужно – несите мне» [1, с. 111]); «Легкий огонь, над кудрями пляшущий, – Дуновение – вдохновения! («В черном небе слова начертаны» [1, с. 87]). Мотивы горения, пожара, самосожжения становятся ключевыми в цветаевской трактовке темы поэта и поэзии.

Интересно в этой связи выражение «тайный жар», которое М. Цветаева заимствовала у А. Блока и использовала как для обозначения творческого начала, так и для обозначения страсти, состояния постоянного внутреннего горения. Находиться в этом состоянии для нее – и значит жить. Таким образом, правомерно говорить о том, что тема страсти является в художественном мире М. Цветаевой всего лишь одной из граней темы творчества. С началом эпохи революционных бурь любовная страсть, равно как и страсть творчества принимают в художественном мире М. Цветаевой обличье Святой Иоанны, пророческой и мстительной. В стихотворении, созданном 10 октября 1918 г., об этом сказано напрямую:

– Любовь! Любóвь! Куда ушла ты? –
Оставила свой дом богатый,
Надела воинские латы.
– Я стала Голосом и Гнёвом,
Я стала Орлеанской де́вой [1, с. 117].

Таким образом, обращение к образу Жанны д'Арк связано у М. Цветаевой, прежде всего, с послереволюционной эпохой, в которой она видит параллели с этапом Столетней войны, связанным с героической жизнью и смертью Орлеанской девы. Этот

образ становится для М. Цветаевой метафорой долга, верности идеалам и присяге («Ветренный век мы застали, Лира! <...> Новые толпы – иные флаги! // Мы ж остаемся верны присяге» [1, с. 105]). В то же время влияние Святой Иоанны на творчество М. Цветаевой можно обнаружить и на более глубоком уровне. Пристальное прочтение цветаевских текстов позволило выявить аналогии, проводимые автором между собой и героиней, что подтверждается не только дневниковыми записями, но и мотивами, которые равно сопровождают и образ Иоанны, и образ лирического «я» в лирике М. Цветаевой. К ним относятся: мотив избранничества; мотив слышания голосов; ведомости нездешней силой, которую воплощает некий «товарищ <...> крылатый»; жизни как постоянной борьбы; мотив женщины, взявшей за неженское дело; мотив сильной женщины, ведущей мужчину «на царство»; женщины как воплощения жизни и страсти в противовес лишенному жизненных сил, рабу рациональности – мужчине; мотив огня, в котором сгорают и героиня (в физическом, прямом смысле), и лирическое «я» поэта (в метафорическом смысле – в огне страсти и творчества). Таким образом, несмотря на то, что собственно Жанне д'Арк М. Цветаева посвятила только два стихотворения, можно говорить о том, что Святая Иоанна является ключевой фигурой для понимания художественного мира М. Цветаевой.

Список литературы

1. *Цветаева М.* Собрание сочинений: в 7 т. М.: Terra–Terra, 1997. Т. 1, кн. 2. 316 с.
2. *Эфрон А.С.* Книга детства: Дневники Ариадны Эфрон, 1919–1921. М.: Русский аут, 2013. 248 с.
3. *Цветаева М.* Собрание сочинений: в 7 т. М.: Terra–Terra, 1997. Т. 5, кн. 2. 395 с.
4. *Кудрова И.В.* Путь комет. Молодая Цветаева: в 3 т. СПб: Изд-во Сергея Ходова; Крига, 2007. Т. 1. 448 с.
5. *Цветаева М.* Собрание сочинений: в 7 т. М.: Terra–Terra, 1997. Т. 1, кн. 1. 330 с.
6. *Цветаева М.* Собрание сочинений: в 7 т. М.: Terra–Terra, 1997. Т. 4, кн. 2. 272 с.
7. *Цветаева М.* Собрание сочинений: в 7 т. М.: «Terra–Terra», 1997. Т. 2. 591 с.
8. *Корман Б.О.* Лирика и реализм. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. 94 с.

9. Цветкова М.В. Герой-маска в английской и русской поэзии // Метакомпаративистика как интегральный подход в гуманитарных науках. Н. Новгород: Деком, 2014. С. 78-90.
10. Цветаева М. Неизданное. Записные книжки: в 2 т. / подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Б. Коркиной, М.Г. Крутиковой. М.: Эллис Лак, 2000. Т. 1: 1913–1919. 560 с.
11. Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Terra–Terra, 1997. Т. 3, кн. 1. 341 с.
6. Tsvetaeva M. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Poems: in 7 vols.], Moscow, Terra–Terra Publ., 1997, vol. 4, book 2. 272 p. (In Russian).
7. Tsvetaeva M. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Poems: in 7 vols.]. Moscow, Terra –Terra Publ., 1997, vol. 2. 591 p. (In Russian).
8. Korman B.O. *Lirika i realizm.* [Lyric Poetry and Realism] Irkutsk, Irkutsk University Publ., 1986. 94 p. (In Russian).
9. Tsvetkova M.V. *Geroy-masko v angliyskoy i russkoy poezii* [Mask Lyric in Russian and English Poetry]. *Metakomparativistika kak integrativniy podhod v gumanitarnykh naukakh* [Metacomparative Studies as Integrative Approach in Humanities]. Nizhniy Novgorod, Dekom Publ., 2014, pp. 78-90. (In Russian).

Reference

1. Tsvetaeva M. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Poems: in 7 vols.]. Moscow, Terra–Terra Publ., 1997, vol. 1, book 2. 316 p. (In Russian).
2. Efron A.S. *Kniga detstva: Dnevniky Ariadny Jefon, 1919–1921* [The Book of Childhood: Diaries of Ariadna Jefon, 1919–1921]. Moscow, Russkiy aut' Publ., 2013. 248 p. (In Russian).
3. Tsvetaeva M. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Poems: in 7 vols.]. Moscow, Terra–Terra Publ., 1997, vol. 5, book 2. 395 p. (In Russian).
4. Kudrova I.V. *Put' komet. Molodaya Tsvetaeva: v 3 t.* [The Path of Comets: in 3 vols.]. St. Petersburg, Sergey Hodov Publ., Kriga Publ., 2007, vol. 1. 448 p. (In Russian).
5. Tsvetaeva M. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Poems: in 7 vols.]. Moscow, Terra–Terra Publ., 1997, vol. 1, book 1. 330 p. (In Russian).
10. Tsvetaeva M. *Neizdannoe. Zapisnye knizhki: v 2 t.* [Unpublished. Note Books: in 2 vols.], preface and commentaries by E.B. Korkina and M.G. Krutikova. Moscow, Ellis Lak Publ., 2000, vol. 1: 1913–1919. 560 p. (In Russian).
11. Tsvetaeva M. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Poems: in 7 vols.]. Moscow, Terra–Terra Publ., 1997, vol. 3, book 1. 341 p. (In Russian).

Поступила в редакцию 19.09.2016 г.
Received 19 September 2016

UDC 82-1

THE IMAGE OF JOAN OF ARC IN THE ARTISTIC WORLD OF MARINA TSVETAEVA

Marina Vladimirovna TSVETKOVA

Doctor of Philology, Professor of Literature and Intercultural Communication Department

National Research University "Higher School of Economics" – Nizhniy Novgorod

25/12g Bolshaya Pecherskaya St., Nizhniy Novgorod, Russian Federation, 603155

E-mail: mtsvetkova@hse.ru

A research into the function of the image of Joan of Arc in the poetry of M. Tsvetaeva is carried out. This topic has never attracted the scholars dealing with her work before. The analysis of M. Tsvetaeva's poetic world showed that first and foremost the image of Saint Joan is connected in M. Tsvetaeva's poetry with the troubled and tragic post revolutionary epoch in which the poet sees parallels with the time of the Hundred Years War. However, the influence of the image of Joan of Arc on the work of M. Tsvetaeva proved to be deeper and was tracked in her diary notes as well as in the motifs connected with the lyric "self" of her poetry. These motifs are: being a chosen one; being guided by a supernatural force; hearing the voices; life as a constant struggle; a woman, who gets involved into man's business; a strong woman leading a man to the throne; woman as an embodiment of life and passion in contrast to man – deprived of life slave of rationality; fire in which Joan of Arc and the lyric "self" of the poet parish. The research results in a conclusion that the image of Joan of Arc could be classified as one of the key images of M. Tsvetaeva's poetic universe.

Key words: Joan of Arc; Saint Joan; Maid of Orleans; Marina Tsvetaeva; "Rouen"; "There was given to me from the skies"

Информация для цитирования:

Цветкова М.В. Образ Жанны д'Арк в художественном мире Марины Цветаевой // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. Тамбов, 2016. Т. 2. Вып. 4 (8). С. 50-56.

Tsvetkova M.V. *Obraz Zhanny d'Ark v khudozhestvennom mire Mariny Tsvetaevoy* [The image of Joan of Arc in the artistic world of Marina Tsvetaeva]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki i kulyturologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, 2016, vol. 2, no. 4 (8), pp. 50-56. (In Russian).